

Яков Есеткин

ВАКХАНКИ
В
СЕРЕБРЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Яков Есепкин

**Вакханки в серебре.
Готические стихотворения**

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Есепкин Я.

Вакханки в серебре. Готические стихотворения / Я. Есепкин — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Время все расставляет по местам. Запрещенный в СССР культовый андеграундный писатель Яков ЕСЕПКИН сегодня является непререкаемым литературным авангардистом. Его "Космополис архаики" обрел негласный статус последней великой русскоязычной книги, произведение пользуется высоким массовым спросом в США и Канаде, где и были изданы первые два тома знаменитой саги. Россия вновь опоздала. Есепкина начали издавать на Родине совсем недавно, вследствие триумфа его книг за рубежом. Международные авторы помещают их в один ряд с выдающимися памятниками всемирной литературы. Сам «певец скорби» по-прежнему находится в глубоком андеграунде, не дает интервью прессе, знаково молчит. В отличие от литераторов, ставших диссидентами и невозвращенцами после достаточно комфортного существования в Советском Союзе, родоначальник антикварного самиздата никак не был причастен к писательскому официозу, его имя всегда ассоциировалось с интеллектуальной фрондой. Содержит нецензурную брань.

© Есепкин Я., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Часть первая. ARS	5
«Феи тьмы, от июльских лепнин...»	5
Катарсис	6
«Только пепел превыше золы...»	9
Трилистник чаяния	10
«Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне...»	12
Первый архаический триптих	14
«Захочешь крови голубой...»	16
«Гекзаметры эти не снились нам с давних времен...»	17
Стансы	19
«Образный только свет нас призовет...»	21
«Огонь тепличных цветов, сих карминовых залов уют...»	24
«Пойдем на Патриаршие пруды...»	26
Летят ангелы, летят демоны	28
«Четверг избыл и узы сентября...»	30
Элегия	33
«Пред гончими псами и махом подпалых волков...»	35
Мнемозине	37
«Я любил этот снег, этих пепельных зим лепестки...»	44
Царевны	46
Сарматский реквием	47
«Не плачь, накликаая беду...»	53
Посвящение	54
Псалмы	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Часть первая. ARS

«Феи тьмы, от июльских лепнин...»

Феи тьмы, от июльских лепнин
Убегая, теряют балетки,
Это наших восторг именин,
Сон альковный, где млечны старлетки.

Се этерии цвета и мглы,
Се небес всеюдовая сводность,
Вновь ломятся честные столы,
Ночь цветов преливает холодность.

Будут флоксы арму восточать
У юродных вдовиц на помине,
И тогда мы начнем кричать,
Задыхаясь в небесном кармине.

Катарсис Репрография

I

Рек слово Агамемнон, зарыдал,
Разбил золотоструйный кубок о стол,
Тогда и речь свою он не узнал,
И ссребрился Иакове-апостол.

На яствах кольца змей позапеклись.
Не хватит просфиры и для келейных,
Виждь, розочки червовые сплелись
На чермных полотенцах юбилейных.

Распятие поправший Иисус
Явился из темничного подвала,
Волошковый венец усеял гнус,
Сквозь черен каждый змейка проползала.

И разве не ко Господу леса
Дощатые чрез очи возвивались,
И разве не теряли голоса,
Во вретницах цари не предавались?

В лазоревой протлели купине
Юродивые, ставшие изветом.
Пусть ночью возрыдают обо мне
Муравушка-плакун со горицветом.

Зело пустое ль небо точит пляс
Цесарок над умолкшей окариной,
Плач мира сердце славское потряс,
Гортань ожгло погостной крестовиной.

Замкнул сон вежд тяжелых навсегда
Соль слез и юровые небосклоны,
Меж уст сиротских мертвая вода
Стоит, сребрясь пред ликом Персефоны.

Пред ней кровавокудрый лицеист
И достохвальный Дант, в жемчужной течи
Кружится имманентный сребролист.
Не воскрешая и загробной речи.

Огромный, чернорадужный букет,
Как в кактусе, в душе навек раскрылся,
Но вырвался один цветок на свет,
Ночным огнем он тотчас осветился.

Возлюбленные чада отпоют
Призорам христародно славословья,
Им венчики точащие скуют
Апостольские темные сословья.

Ах, краски смерть размыла до костей,
Хранимы ли слова эдемской силой,
И Господь сам не ведал сих страстей,
Склоняясь над сыновнею могилой.

Смотри, за Богом гончие летят,
Волочатся вослед им живодеры,
У смертушки из персти всё хотят
Достати четверговые поборы.

Замученные крики приглушив,
Из твердых гробов молча мы вставали
И ангельский лелеяли пошив,
И каверные чарки выпивали.

Родные воздымали на Звезду
Слезами изукрашенные лики,
И Боже в самом нищенском роду
Изыскивал всецарские языки.

II

Я к зеркалу боялся перед смертью
Приблизиться: тогда бы мертвый взор,
Мираж разъяв, золоченною твердью
Прожег очей живых огнеупор.

Червлены ль эти гробные веревки,
Черны ль, зеркало-брутто их взовьет,
Елико смерти нашей полукровки
Алкают, аще в серебре киот.

И чем утешить призраку живущих,
Удел его – молчание, печать
Для уст, к небесным царствиям зовущих,
Готова, стоит истинно молчать.

Нам ангелы Господние ни слова
Здесь молвить не велят, молчи, пиит,
Пусть жизни лихосорная полова
Над лотосами царственно горит.

Пускай одни алеющие маки
Апостолы взирают, невода
Полные выбирая, нежат зраки,
Богата рыбой мертвая вода.

Рыбачить здесь и можно, а притронный
Коллегиум божественных теней
Решит, кому речи, кому уронный
Рейнвейн алкать и красных ждть коней.

Живым одне лишь мраморники, зренье
Их слабо, разве гений отличить
Способен адоцветное горенье
И столпников бессмертью научить.

Нельзя венец терновием упрочить,
Молчи, молчи, доколе сам живой
И в мертвых только значен, муз порочить
К чему, нам возместят Эдем с лихвой.

Тот контур, уголь чернивший ломким светом,
Годами отражался, вообще
Чтоб не пропасть, чтоб зреть на свете этом
Сосуд Пандоры в лазерном луче.

«Только пепел превыше золы...»

Только пепел превыше золы,
В нети нас позовут отобедать,
Хлебоимно содвинут столы —
Царских яств должно всяку отведать.

Бледноогненной солью рядом
Изукрасив, орут зазывалы,
В наших веждах высотных давно
Отражаются разве подвалы.

Ничего боле не ужаснет,
Чем сие до костей пробиранье.
Кровь гнилая вотще полоснет
В многослезное это собранье.

Скорбь убийц по иным временам
Потушили, иначе с чего бы
Стали дарствовать столпники нам
Во десницах спирт ангельской пробы.

Не сыскать воям жалкой родни,
Ратных маршей не помнят музыки,
И те слезы – ты их не храни,
Затекут пусть в червовые лики.

Трилистник чаяния

I

Аз, Господе, реку со черных домовин,
Гробов noctных, иным достались благокрасны,
Эти агнцы не ждут-заждались окарин,
Им и трубы Твое, и псалмы немогласны.

Все склоняется тать над испрахшей сумой,
Иль неможно доднесь и любви низринуть
Бледных перстов жалких, в юродие немой
Удушавших царей, серебро юдам откинуть.

Были перси белы у безмужних невест,
А теперь и уста до костей пробелели,
Оглянися, Отец, нету ныне окрест
Ни живых, ни мертвых, посвященных во Лели.

Ах, над нами зажгли юровую Звезду,
Пусть лучом воспронзит некупельные лета,
Их ложесен и усн опознай череду,
Нищих татей, оне достойны извета.

Те ж к Тебе, Господь свят, пировати пришли
Бойны чада, отвек изалкавшие жажды,
Ангелы Твои что копия занесли —
Не убить, не убить преугодников дважды.

II

Как свилися вольно змеи в райских цветках,
Прежде в царствии грез немятежно блажили,
Только ныне молчим, пряча персть в рушниках,
Правда, святой Господь, а ведь мы и не жили.

Богородицы лик украсили Звездой,
Сон-цветочки вия по серебристом окладе,
Нету ангелов здесь и поят нас водой,
Ах, из мертвых криниц занесли ее, чаде.

Иисус почернел и не имет венец,
И Его голова преклоняется нице,

Узреть что восхотел двоеперстный Отец,
Мало ль крови течет в неборозной кринице.

Смертоприсный венок мы Христосу плели,
Исплели изо слез, тяжко траченных кровью,
А и боле ничем не посмели-могли
Притолити в миру жажду бойных любовью.

В каждой розе сидит гробовая змея,
И не видим уже мы ни Бога, ни Сына,
То ли алчут оне, то ли мука сия
Должна гробно зиять до святого почина.

III

Это иноки днесь подошли ко столам,
Страстотерпцы одне и невинники сиры,
Их неможно забыть копьевым ангелам,
Коль не пьют мертвых вин – отдавайте им лиры.

Не бояться огня восковые шары,
А на перстах у нас кровь и слезы срамные,
Велико Рождество ан для всех мишуры
Не хватает, Христос, где ягняты гробные.

Геть днепровской волной в черной пене дышать,
Кровь худу изливать на местечек сувои,
Розы-девки, равно станут вас воскрешать,
Так скидайте рядны пред всетаинством хвои.

Тех ли ждали в чаду, мы, Господе, пришли,
Залетели птушцы в обветшалые сени,
Али тонкий нам знак до Звезды подали,
Во трапезной же мы преклонили колени.

Ничего не узрим на вечере Твоей,
Пусть сочельник лиет в мессы ночные снеги,
Мы до маковки все унизаны лишь ей,
Искрим – белы птенцы в огне Божией неги.

«Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне...»

Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне,
К теням херсонесским хлебнуть золотого рейнвейна
Затем, чтоб запили мы скорбь и не в тягостном сне
Могли покружить, яко чайки, над водами Рейна,

В порту Анахайма очнемся иль в знойный Мадрид
Успеем к сиесте, а после по вспышкам понтонным
Пронзим Адриатику – все же пойдем, что горит
Днесь линия смерти, летя по тоннелям бетонным.

И вновь на брусчатку ступив пред бессонным Кремлем,
Подземку вспомнив и стяги советские, Ая,
На стенах в бетоне и меди, мы к Лете свернем,
Все Пирру святыя победы свои посвящая.

Нельзя эту грань меловую живым перейти,
Лишь Парки мелком сим багряным игратья умеют,
Видь, нить обрывают, грассируя, мимо лети,
Кармяная Смерть, нам равенствовать ангелы смеют.

Еще мы рейнвейн ювенильный неспешно допьем
И в золоте красном пифиям на страх возгоримся,
Цирцеи картавые всех не дождутся в своем
Отравленном замке, и мы ли вином укоримся.

Еще те фиолы кримозные выпьем в тени
Смоковниц троянских до их золотого осадка,
Фалернские вина армический лед простыни
Оплавят в дворце у безмолвного князя упадка.

Святая Цецилия с нами, невинниц других,
Божественных дев пламенеют летучие рои,
Бетоном увечить ли алые тени благих,
Еще о себе не рекли молодые герои.

Сангину возьмет ангелочек дрожащей своей
Десницею млечной и выпишет справа налево
Благие имена, а в святцах почтут сыновей
Скитальцы печальные, живе небесное древо.

Красавиц чреды арамейских и римлянок тьмы
Всебелых и томных нас будут искать и лелеять
Веретищ старизны худые, из червной сурьмы
Голубок на них дошивать и с сиими алеять.

Ловите, гречанки прекрасные, взоры с небес,
Следите, как мы одиночества мрамр избываем,
Цитрарии мятные вас в очарованный лес
Введут, аще с Дантом одесно мы там пируем.

Стратимовы лебеди ныне высоко парят,
А несть белладонны – травить речевых знаменосцев,
Летейские бродники вижди, Летия, горят
Они и зовут в рай успешных сиренеголосцев.

Позволят архангелы, не прерывай перелет,
А я в темноте возвращусь междуречной равниной:
Довыжгут уста пусть по смерти лобзанья и рот
С любовью забьют лишь в Отчизне карьерною глиной.

Первый архаический триптих

I

Хоть бы скорбь нам простят – не хотели скорбеть
Мы, Господе, в алтарь Твой затиснулись краем,
Смерды ж бросили всех по карьерам гибеть,
Звоны святны пия, без свечей угараем.

Нищи мы во миру, царевати сейчас
Нам нельзя и сойти невозможно до сроку,
Вот и празднуем днесь, коемуждо свой час,
От пеяний жалких много ль странникам проку.

Змеи тронно вползли в богоимны сердца,
В пухе цветном персты, буде трачены лики,
И Звезда высока, и не виждим венца,
Присно блудные мы, а и бьются калики.

Пусть сердечки свое крепят мор-ангелы
Ко иглице хвойной вместе с златью игрушек,
Снег на елях горит, крася ношно столы,
Всё нейдем балевать – зло яремо удушек.

Прелюбили пиры, а влачились в рядне,
За любви тоску чад Твоих обвинили,
Весело им теперь сребра пити одне,
Мы, Господь, на крестах разве их и тризнили.

II

Четвергуем теперь, вина красные пьем,
Да порожец равно змейна Смерть обивает,
Как юроды уснут, мы еще и споем,
Горше жизни любовь, а горчей не бывает.

Коли святки горят и стучатся купцы
В наши сени, пускай веселят пированья,
Ан в хорошем кругу и сладят леденцы
Горечь хлебов жалких, нищету волхвованья.

Гурбы снежные днесь постелила сама
Богородице-свет, разукрасила хвою,

Научились молчать, буде присно чума,
И Звезда чрез пухи златью льет моровую.

Мы свободны, Господь, цветно лепим снежки,
Перстной кровию втще осеняем глаголы,
Балаганы везде и галдят дурачки,
Чудотворные те ль заскверняют престолы.

И смеялись оне, слезы ткли во рядны,
Благочинно тряслись, ангелов потешали,
Только в смерти, Господь, мы не стали смешны,
А в бытьи – так серебром нашу голь украшали.

III

То ли внове январь, то ль, успенье поправ,
Святки льют серебро на отбельные лики,
Гурбы снежно горят вкруг ядящих орав,
Пусть вспоют немоту перстевые музыки.

Как хоругвь, пронесли хвойну цветь до Креста,
Наши ели цвели дольше святочных звонов,
А и доля была не в урок золота,
Кровью скрасили мы бездыханность рамонов.

Вот окончилась жизнь, истекли роднички,
У Ревучих озер собрались неживые,
Побытийно агнцы стали много жалки,
И пеяют псалмы череды хоровые.

Да сановные их восприметим басы,
Рукава завернем – смердов зреть обереги,
Кровны пухи не бьют мор-пастушки с косы,
Трачен Смертию всяк заступивший береги.

И лукавили ж, нас приводя на порог,
Указуя Звезду, во пирах сатанели,
Сбили чадов, Господь, хоть бы червный мурог
Вижди в смерти – на нем присно красятся ели.

«Захочешь крови голубой...»

Захочешь крови голубой
Испить рождественскою ночью,
Тогда возникну пред тобой,
Чтоб зрела призрака воочью.

Бери, бери скорей сосуд,
Давно засохла в нем отрава,
Кровавой лентой изумруд
Совишься днесь и звезды справа.

Под мишурою наша ель
Теперь еще горит в Аиде,
И стал я ангелом ужель,
Пея псаломы аониде.

Ах, горько ангелам тлести
Меж небоцарственных зеленей,
Страстные кончились пути,
Сынкам не встать мертвым с коленей.

Субботы грезилась и мне
Темней серебра у девятки,
Нельзя о Боге и вине
Солгать еще тебе хоть в святки.

А хорошо ли без меня
Свечельной кровью упиваться,
Хмелиться ею и, огня
Страшась, в черни собороваться.

Были те свечи извиты
Для ангелочков лепосмертных,
Алкала туне царя ты,
Божись и вин ищи десертных.

Пей тяжело из суремы
Шаров и чар за новоселье,
Иные призрачные тьмы
Явятся – будет вам веселье.

Во славу это питье,
Господь с тобой, когда святая,
Пускай на басмовом остье
Каждит макушка золотая.

«Гекзаметры эти не снились нам с давних времен...»

Гекзаметры эти не снились нам с давних времен,
Но камни Эллады точила янтарная пена,
И стройная строфика смерти прожгла небосклон,
И на воды пала холодная тень Карфагена.

Лазури одне мы хотели зело созерцать,
А вышло иное и нити сии не исправить,
Грассируйте, Парки, как станут серебром бряцать
Опричники тьмы – сами будем сиречно картавить.

Мы сами поидем ко браминам эллинских царств,
В окарины дунем, воспоем, яко Божьи рапсоды,
Воскреснуть нельзя после жалких сукровных мытарств,
Так будем хотя всетризниться за славские оды.

Аттический холод терзает доднесь хоровых
Высоких певцов, обреченных безгласности горней,
Их мало и было, а музы считали живых
Всегда и теперь, поелику живые соборней.

Я был одинок, одиночества лета страшны
Для воров немых, для седмичной Луны фаворитов,
Бессмертие всем полагается, золото в сны
Лишь мертвым лиется из вешних пустых лазуритов.

Пусть сон золотой навеваает безумец опять
Иным поколеньям, а мы рассчитались навечно
С камнями славными, Лета быстрее воспять
Направит себя, нежли будем глаголить сторечно.

Ах, форумник пуст арамейский, но шумен другой
И капишей новых бетон фиолетовый гулок,
О нас не дождутся церковные вести благой,
Одни Азазели сейчас и легки для прогулок.

Господними копьями всех не достать палачей,
Чреды не достигнуть убийц, ко пирам оглашенных,
Слезами ли выжечь терничных венцовых свечей
Цитрийские тьмы, чтоб не слышать литий совершенных.

И дивных речей вековое стремленье пустой
Огранкой мерцает, но только уста отверзали
Мы в красных углах мирозданий, яремно густой
Нас кровию рдили юроды и ношно терзали.

Я часто, Вергилий, лукаво и истинно рек,
Обманом спастись от фатумных эриний пытался,
А оды слагал небодержцам и мертвым, но век
Со требою этой без нежных камен рассчитался.

Забили гортань прекровавых розовий шипы,
Финифтью поверх остроцветный свинечник пустили,
Гекзаметры пой, аще в смерти пииты слепы,
Гомеру пеянья даруй, яко музы почтили.

Вновь кровью церковное перебродило вино,
Кагор темной антики, рушивший мрамор Гомера,
Гудит в брызгах соли червленое веретено,
Вплетая во сны смертоносную нитку размера.

Стансы

Под наперстками иглы вонзает в рядно
Сквозь имперскую платину зарев,
Поелику нам было изведать дано
И всемилость, и гнев этот царев.

Тяжек он и невозможно его перенести,
Но терпи, венцеизбранный брате,
Значит, будем одесно с алкеями есть,
Водку сладкую пить на карате.

Вижди блюда царские и вина вдыхай,
Ароматы сие благовонны,
Меж смурными безумцами тенью порхай,
Где стульницы от лядвий червонны.

Там горят черносливы о нежной икре,
Здесь тунец розовее стерляди,
Преядают царевны в чумном серебре,
Им трапезу сервируют бляди.

Я молчал дольше Бога и горше, сейчас
Время речь, паки розные термы
Излучают бессмертие, где Комитас,
Розы вьет пусть слезой Даздрапермы.

Се и стали бессмертные, мертвым легко
Воевать с юродными купцами,
Что летают валькирии днесь высоко,
Над алмазными рдятся венцами.

Залетайте-ка ночью к свечному столу,
Много ль вы погубили одесных,
Вместе будем травиться, не Дант ли в углу
Спит и видит альковниц чудесных.

Фри успешные пудрами серебро бьют,
Мел восковием красят, уловки
Их опаснее смерти, кого не успеют,
Жечь ему льдом чрез кровь сервировки.

Русских Лиров с небесным огнем не сыскать,
Всё привратники либо холопы,
И воителям славы не должно алкать,
Не порфиры в ходу, а салопы.

Погибает всечасно, кто Богом любим,
А мирские потравы излишни.
Мы с тобою еще со столов доедим
Те гнильцой золочены вишни.

Нам объедки опричнины в топкий закат
Поднесут, в тьму загробных сияний,
Пусть булаты сверкают у призрачных врат
И не жаждет никто подаяний.

Ибо смертная гнилью горя полоса,
Леденеющей тканью закатной,
Переливные наши прожгла голоса
Кровотока струей невозвратной.

«Образный только свет нас призовет...»

Образный только свет нас призовет.
И звезды воспылают нелюбовью
К свергателям всебожеских высот,
Их выпретенному всеу богословью.

Веками ложь непросто отличить
От истины высокой, солидарность
Являя обоюдную, учить
Брались толпу мессия и бездарность,

Сказители тождествовали им,
Но черни с властным родом ненавистен
Певец любой, зиждительствам благим,
Чей умысел открыто бескорыстен,

Один дарован временем удел,
Одни судьбой подобраны вериги,
Из царствований множества и дел
Слагаются магические книги.

Не чаяний приветствует народ
Спасительную требу, но коварства
Всеядного гниющий чаёт плод,
В том прочие мирского государства.

А веры крепость иродам страшна,
Поэтому ль живого стратотерпца
Бытийностью доказана вина,
Векам оставит он лишь пламень сердца.

И ныне, Лукреций, посмотри,
Причастность есть царица доказательств,
Участвовал, тогда не говори
О Бруте и сакральности предательств.

Тем был убит взыскующий Гамлет,
Предательства нашедший и обмана
Мистические связи, тем валет
Снедает дам пикового романа.

Велик изменой черною всегда
Скупой на подаяния властитель,
Величию сопутствует нужда
В свидетельствах и праздный нужен зритель.

Чернь горькая внимает суете,
Скрывающейся ложи и пороку,
Плодя себеподобных в нищете,
К иному не готовая уроку.

Засим отраву красную разлив
По лядвиям чернильниц легковесных,
Выводит время свой императив
Софистики и чаяний словесных.

Они ли стоят червных наших свеч,
За сими вечность патиною тлится,
Мы розовые лилии о плеч
Крушне явим и смысл определится.

Как истинно уродцев обелить,
Одним, скорее, адовым уголем
Разметить можно их и разделить,
Чтоб лучше доустрадавался голем.

Бессмертия певец не избежал,
А чашу не восполнил кровотечьем,
Соперствием ее не удержал,
Претлил язык лукавым велеречьем.

Божись теперь, Ирод-золотоуст,
Сверяй труды каратом и отвесом,
Молитвенник бери, елико пуст
Изборник, недочитанный Зевесом.

Неправие свое осознают,
С любовью встречаясь, бесов теми,
Пускай еще летают и пеют,
Хмелятся и юродствуют над всеми.

Почто святые веровали им,
Сердца губили мороком литаний,
Во лжи юдоль, теперь дано другим
Дослушать смутный хор соборований.

Ответствовать за что нам, а беды
Не выместить и там, где блещут нети,
Гнилую кровь, давай, сейчас в сады
Понурые вольем, в деревья эти.

Пусть глухо наливаются они
Смертельной четверговой отравой,
Злочерную листву клеймят огни
Пред падью отраженной и лукавой.

Сама ведь ты судьбы хотела сей,
Глаголы берегла для переписки
С архангелами, вот и лицезрей,
Как ищут Вии нас и Василиски.

Блаженные не ведают о том,
Морочны сколь посмертные лобзанья,
Над басмовым твоим успешным ртом
Не вздох парит, но призрак истязанья.

Нам в гребневой сурьме не возлежать,
Быть может, за распятие мечтами
Позволит Бог, прощаясь, руки сжать
Кровавобелоснежными перстами.

«ОГНЬ ТЕПЛИЧНЫХ ЦВЕТОВ, СИХ КАРМИНОВЫХ ЗАЛОВ УЮТ...»

Огнь тепличных цветов, сих карминовых залов уют
Полюбить ты смогла и не знала в безумные годы,
Что гранили валькирии нашей тоски изумруд,
Звезд оправы украсив им и смертоносные оды.

Освященные скорбью, туда полетели они,
Где умеют ценить безупречные эти размеры,
Где величье двоится и комкают лед простыни
Отраженья, а вечность изящные любит манеры.

Но изящество стоит бессмертия, красным в желти
Золотистой мелком ангелочки увеченных значат,
Красоты не прощают камни, а ты их прости,
Поелику со мной о гербовниках Смерти маячат.

Лебедь, лебедь Стратим, ты куда улетаешь опять,
В небесах догонять нынче светлых цветочников туне,
Сколь двоиться преложно и Леты оплаканной вспять
По две те не бегут мировольные волны в июне.

Свечки рано сдвигать, паки рано венцы выносить
Из келейной аромы, серебро, зри, воры считают,
Буде Господа звать и цветки меловые косить
Нам нельзя, пусть сейчас книги жизни царевны листают.

Все оцветники наши, все наши и кельи-гробы,
На армический требник иль мирты волхвы не скупаются,
Мало мирры и ладана станет для вечной алчбы,
Закаждят фимиам аониды, в притворах скопятся.

Пунш, арак голубой, эль манящий, рейнвейна кармен
Щедро льется теперь, богоразы отвержены пьянству,
Весело, весело, и забавили в жизни камен,
И слагали гекзаметры, оды вещая тиранству.

Лишь предательства темного царский не вытерпит зрак,
Были други коварны и немощных суе губили,
Разливайся отравой смертельной холодный арак,
Башни вестно молчат ли, в Царь-колокол терние ль вбили.

Но еще зарыдают палатные фурии и фри,
Хорошо без царей – изливайте иродски слезинки,
Мрамор наших акафистов будут живить словари,
Богоимное Слово немые впитают лозинки.

Это Слово полнощное будет серебро таить,
Всякий новый тезаурис нашим огнем возгорится,
Будут, будут, еще на хоромных пирушках делить
Яства, хлебы и вина, а нищим и незачем крыться.

Лишь одна только речь дарованна, сама говори,
Благо молви хотя с отражением в течной лепнине,
Грозно сирины, видишь, летают, ползут в словари
Сов и змей изумрудных кольцовья всеприсно и ныне.

Вероятно, рыдая над титульным желтым листом,
Лепестки роз бордо запоздалой слезой обжигая,
Ты представишь, как ангелы держат зеркало над ртом
У меня и горит в изголовье свеча ледяная.

«Пойдем на Патриаршие пруды...»

Пойдем на Патриаршие пруды,
Сиреневый там дождь еще не хладен,
Каждят останки пляшущей Звезды
И дьявол темноцарственный безладен.

Пойдем, поидем, друг усненный мой
Иль мертвая подруга, будем вместе
И плакать над точащею сурьмой
В свечельном этом времени и месте.

А был я оглашенным ко святым
Хождениям и внесен в Божий список,
Мак в юности был алым, золотым,
Пускай дарит аромой одалисок.

Фаворским огнем требники горят,
Горят и наши тонкие крушницы,
А мертвых царичей ли укорят,
Глорийные, летите, колесницы.

Что это Новогодье, Рождество
С порфирными шарами, яко будем
Рыдать еще сиротски, о Его
Кресте явимся ль, мороки избудем.

Убойным стал алмазный сей венец,
Но Руфь меня восждет на Патриарших,
Страхну при Божьих пильницах тернец,
Ответствовать черед за братьев старших.

Черед, пора и молвить, и препеть,
В миру любивших нас невест чудесных,
Не тщившихся ни жить и ни успеть,
Взнести до царствий истинно одесных.

Ах, счастье любое от беды
Невежества всегда проистекает,
Пойдем на Патриаршие пруды,
Бессмертие нас горнее алкает.

Не горько царю мертвому вино,
Пьют же вусмерть ангелы блажные,
Оне меня отпустят все равно
Сирени зреть и ели вырезные.

Декабрьская тяжелая игла
И снег, и меловатные сувои
Распишет бойной кровью, тяжела
У вечности иглица, паче хвои.

Не я ль играл с Чумою на пирах,
Не аз ли только вечности и чаял,
Боясь очнуться в снеженских юрах,
Зане легко уснуть, где мак растаял.

Уснуть и видеть благостные сны,
Отпустят ангелки мя на мгновенья
Сюда, где прегорьки и солонны
Блуждающие звезды вдохновенья.

Вскричу, махну ль приветственно рукой,
Десницею бесперстой, дожидалась
Неясно и откуда, но такой
Руфь помнил я, со мной она скиталась.

С каких неважно темных берегов
Явлюсь, чтоб навсегда уже оставить
Юдоль, которой с кровию слогов
Любви и маков алых не прибавить.

Летят ангелы, летят демоны

В сей май пришла вослед пылающей поре
Нагая осень вновь, и то предстало въяве,
Что умертвил Господь навеки в ноябре,
Что гнилью затекло, клубясь в посмертном сплаве.

Безумство – созерцать остудное клеймо
Упадка на церквях и славить ноябрины,
Иосифа читать неровное письмо,
Сколь ястреб не кричит и глухи окарины.

Была ль весенних дней томительная вязь,
Где малый ангелок со рдеющею бритвой,
Ямбически легла антоновская грязь,
Экзархам серебрить купель ее молитвой.

А мы своих молитв не помним, бродники
Летейские чадят и гасят отраженья,
Проемы тяжелы, где топятся венки
И ангелы следят неловкие движенья.

Ах, томных ангелков еще мы укорим,
Не стоят копий тех загубленные чада,
Стравили весело, а десно мы горим
Теперь за серебром порталного фасада.

Антоновки давно украли вещуны,
Кому их поднесут, не мертвым ли царевнам,
Яд более тяжел, когда огни темны
И славские шелка развеяны по Плевнам.

Что русский симфонизм, его терничный мед
Отравы горше злой, архангелы пианство
Приветствуют быстрее, надневский черный лед
Страшнее для певцов, чем Парок ницшеанство.

Гори, пылай, Нева, цикуту изливай,
Рифмованную труть гони по Мойке милой,
Обводный холоди гранитом, даровай
Бессмертие певцам холодности унылой.

Я долго созерцал те волны и гранит,
Печалил ангелков, их лепью умилялся,
Доднесь алмазный взор оцветники темнит,
За коими Христос злотравленным являлся.

Забрали музы тень благую на Фавор,
Терновьем повели строки невыяснимость,
А чем и потянуть бессмертие, камор
Пылающих черед гасить хотя ревнимость.

На золоте зеркал горят останки лип,
Раструбы лиц и чресл и в пролежнях полати,
И, багрие разъяв, зрит цинковый Эдип,
Как мертвый Кадм парит в кругу фиванской знати.

В слепом альянсе зелень с чернью, а меж них
Кирпичные взялись деревья, и блистают
Их красные купы, да в небесех двойных
И ангелы, и демоны летают.

«Четверг избыл и узы сентября...»

Четверг избыл и узы сентября,
Потир ополоснул от иван-чая
Слезами, ничего не говоря,
Простимся, а пепле губы различая.

Не молви, днесь печали велики,
С бессмертием прощается славянка,
Пииты облачились во портки,
Для ангелов накрыта самобранка.

Нужны ли революции в раю,
И речь о том – бессмысленная треба,
Владимиры в ямбическом строю
Маршируют пред остием Эреба.

С классической привычкою хохмить
Успеем хоть ко вторничной сиесте,
Чтоб мертвые тростинки преломить
Лишь в милом Габриэля сердцу месте.

Где ж царские девишники сейчас,
Кого их юный цвет увеселяет,
Пусть чернит полотенце хлебный Спас,
Мечты в отроков ханука вселяет.

Мы с Анною заглянем в Баллантрэ ль,
Поместия мистический владетель
Нас звал, но сталась цинком акварель,
Без соли и текилы мертв свидетель.

От Радклиф отчураются писцы,
Магического жертвы реализма,
А десь куда тьмутомные свинцы
И вычурные замки модернизма.

Витий сакраментальные тома
Бравадою пустою обернулись,
Восславил кулинарию Дюма,
Иные царским шелком совернулись.

Какой еще приветствовать роман,
Иль «Норму», иль черево «Амстердама»,
Предательство повсюду и обман,
И глорья – астеническая дама.

Засушен лес норвежский на корню,
Исчах над тронной краскою версалец,
Я в мире, Габриэль, повременю
И спутник будет мне Мельмот-скиталец.

Бог весть куда спешили и, дивись,
Успели на престольные поминки,
И сирины понурые взнеслись,
Рекут о них иные метерлинки.

Еще заплачем зло по временам,
Всемилости не знавшим патриаршей,
В подвалы доносившим разве нам
Златые ноты моцартовских маршей.

Поэтому во плесень погребных
Чернил, блюда предвечные обряды,
Мы вдалбливали звезд переводных
Столучья и не чтити колоннады.

Они держать устанут потолки
Дворцовые, холодную лепнину,
Со мрамором ломаются в куски
Архангелы, месившие нам глину.

Возведен замок, статью и венцом
Равенствующий Божеским чертогам,
Гарсиа, пред началом и концом
Лукавостью хотя отдарим слога.

Тезаурус наш кровию потек,
Суэто с горней речью возвышаться,
Там ангели уместны, им далек
Тот промысел, какому совершаться.

Геройство бедных рыцарей пьянит,
А песни гасят мрамором очницы,
Бессмертие к сиесте временит,
Несутся мимо славы колесницы.

Летите вкось и дальше, нам пора
Иные внять венцы и обозренье,
Высокая окончилась игра,
Предательство есть плата за даренье.

Веселый этот фокусный обман,
Быть может, близ расплавленных жаровен
В Тартаре наблюдал Аристофан
Печально, ход истории неровен.

И кто открыть потщился: золотой
Навеян князем сон, в кругах вселенной
Нет рая и чистилища, восстой
Пред адами, искатель славы тленной.

Нет счастья, но есть в иных мирах
Покой, небытия бредник садовый,
Заслуживает дичи вертопрах,
Обман ему венчается плодовый.

Ах, стоят света разве ангела,
Судить мы их отважились напрасно,
Вот слушай, литания истекла,
Ан жизни древо тучное прекрасно.

Улыбкой смерть встречают, здесь темно
В саду и Шуберт нем, пора ль уведать
Нам Плюшкина минувшее, вино
Корицею заесть и отобедать.

Чудесное uspение – тщета,
Но сраму убиенные не имут,
Зальется кровью сей царь-сирота,
Когда венцы с нас выцветшие снимут.

Элегия

Зной, терпкий августа воздух заверчен пока что
Ветра фигурами, отблесками золотыми
Фей фьезоланских, впорхнувших в октавы Боккаччо,
Всех перед ними бредущих иль следом за ними.

И не успели еще нас предать полукровки,
Смерть далека и не тщится одесно рыбачить,
Что ж, возгорайтесь ромашек лихие головки,
Белым огнем ныне время архангелов значить.

Свой аромат нам отдают цветки полевые,
С ядных столов занесутся и вина, и хлебы,
Темные эльфы вспоют: «Се елико живые,
Им уготовайте пурпуром витые небы».

Тягостных снов боле мы не увижим вотуне,
Серебро в кровь и ковры со перстов изольется,
Щедрые дарницы плачут о красном июне,
Скаредных нив не исжать, а вьюнок ли упьется.

Даже в объеме, астрийским днесь залитом светом,
Пристальный взгляд так и не различает пробелы,
Краски горят, осязаема даль и предметы,
Рябь по воде убегает все в те же пределы.

Нети цезийские ждут нас еще и Вальхаллы,
Грешницы рая, иных областей одалиски,
Буде забудут кримозные сны и хоралы
Ангелы смерти, дадутся им красные списки.

Где ты, Рудольфи, мы с Дантом бредем не луговьем,
Третиим Фауст взялся берeditь эти струны
Всемировые, а плакать над жалким сословьем
Наших временников станут пустые матруны.

Что Эривань виноградная, что лигурийской
Щедрой земли холодок на вечерней прогулке,
Нимфы пьянеют сегодня от крови арийской,
Завтра им южной Зефиры дадут в переулке.

Нимфы пускай нежат винами-кровью гортани,
Дуют в окарины, пьют молодые нектары,
Видишь, Летиция, встретились мы, Эривани
Града надежнее нет для брачующей пары.

Узких следов милых грешниц во бродниках райских
Туне искать, все хмельные сейчас, данаиды
К нам по циттариям быстро влекутся, данайских
Сим угощений хватило в шатрах Артемиды.

Нам совенчать божедревок и циний зеленых,
Темных эльфилов и трепетных милых нимфеток,
Кармного мрамора мало у вечности, оных
Только успешные могут найти меж виньеток.

Черных виньет, возгорящихся мелом траурным,
Кои таят в гефсиманских сандалах гиады
С грифами вечности, мы ж побережем лазурным
Вечно и будем свои совершать променады.

«Пред гончими псами и махом подпалых волков...»

Пред гончими псами и махом подпалых волков
Беспомощны мы, посему от погони их грозной
Не скроемся, лучше окрасим на веки веков
Вселенские камни отравленной кровью венозной.

По ней лишь неравных найдут и в созвездных лучах,
Лядащим огнем заклеив сих презренные спины,
Вопьются в уста с алчным блеском в голодных очах
И в черных глазницах высотные вспыхнут руины.

И чем нам считаться, величия хватит одним
Истерзанным столпникам, хватит иным чечевицы,
Алкали мы вечности, ныне и жить временем,
Врата соглядаем у царства подземной девицы.

Успенные здесь петушки золотые поют,
На мертвых царей не жалеют портнихи шагрени,
Таких белошвеек не видеть живым, ан снуют
Меж стульев ломаных сузские девичьи тени.

Отравленных игл и кармяных антоновок цветъ
Отравную вновь, и гранатовых багрий избытность
Кроты и полевки учтут, а царевнам говеть
Сегодня предолжно, зане уповали на скрытность.

Нельзя перейти меловую черту и нельзя
Таиться одно, паки будут обманами живы
Дочурки невинные, их родовая стезя
Легко оборвется, где Вия настигнут Годивы.

Гудят и гудят весело приглашенных толпы,
Зеленые иглы в шелках веретенники прячут,
Мы сами сюда и влеклись, аще были слепы
Девицы, пускай хоть сейчас о родителях всплачут.

Не царские тризны, не царский почетный досуг
Нам смерть уготовила, даже сокровных дочурок
Забрали те челяди, коих в пылающий круг
Впустили волхвы из кадящихся мглой синекурок.

И вот я стою в одеянии смерти рябой,
Блаженный со мною, ну что, хороши ль нынче гости,
Кто рядом – откликнись, ах, тяжек метельный гобой,
Сиренью мелось, а теперь во снегу ягомости.

Ах, туне рыдать, Богоматерь в снегах золотит
Отравленным взором тлеющие лядно скрижали,
Ей Цветик-Сынок хлебояствий кошель освятит,
А мы бойных муз и напрасно величем сражали.

Заманит, я знаю, еще ботанический сад
Маньчжурскою тенью, сирень в листовой позолоте
Склонив тяжело, всех других навсегда в огнепад,
А мы с небесами пребудем в холодном расчете.

Когда оглянувшись, вмиг станем камнями, Сизиф,
Чтоб вымостить кровью дорогу к чужим процветаньям,
В татарскую ветошь последний зарезанный скиф
Уткнется – засим привыкать уж к посмертным скитаньям.

Мнемозине

Мы долго Божий храм не посещали,
И черное веселье навсегда
Разбилось о гранит Его печали,
А днесь горит полынная звезда.

Горит она сиянней и мертвее
Внехрамовых огоней ледяных,
Заплачем ли еще о Галилее —
Не будет дале знаков именных.

Тогда лишь сбросим вервие позора,
И, кровию гася высокий свод,
Под знаменьем священного затвора
Войдем уже в космический приход.

Какие здесь видения и тени
Сумрачные, для странников благих
Обычными назвать нельзя их, сени,
Притворы ль полны утварей других,

Нам ведомых едва ль, смотри, киоты
В патиновых углах стоят рядком
И серебром горят, какие готты
Их сбросили со стен, кому знаком

Любой из ликов, гребневых окладов
Двоящий линованье, все они
Другие, аромат басмовых садов
Точится от оконниц, протяни

К пылающим стеколиям десницу,
К высоким этим призрачным крестам
Порфиrowым, лиется в оконницу
Курающийся морок, а здесь иль там

По мраморному кровливу стенному
Урочествуют призраки опять,
Возносятся ко своду выписному
И тшятся в хорах ангелы пеять,

Оне, пожалуй, равенствуют нашим
Знакомым церквейным образкам,
Образницы иные, хоры зряшим
Являются тотчас же, потолкам,

Стыкующим на темной верхотуре
Смарагдовую крошку полых стен,
Держать вверху их сложно, по текстуре
Тождественны обрамницы картен,

Пылающих витыми огнями,
Асбесту, либо мрамору, оклад
К окладу тяжелы, а за тенями
Совитыми, откуда этот чад,

Кадящийся течет смуродный ладан,
Мгновенно обращающийся в хмель,
Когда вдохнешь его, легко угадан
Бысть может он, ароматы земель

Каких-нибудь кривских иль себастиийских
Еще близки нам, эти ли в желти
Призрачные теперь сады альфийских
Мерцаний зрели прежде мы, прости,

Летиция, сейчас письма сумбурность,
Певец велик бывает на земли,
А в небе жалок он, высок ли, чурность,
Знакомая опять, вдвигать угли

Под бойные ребрины серафимам
Иродливо мешает, потому
Реку я нынче дивно, всяким схима
Границы есть, лазурному письму

Границу сам нецарственную ставлю,
Пускай сейчас веселятся псари,
Иные своры низкие, забавлю
Уроченно колодников, цари,

Помазанные Господом, семейства
Державшие престолы, ход такой
Поймут в хорошем смысле, фарисейства
Плоды вкушали цари, под рукой

Еще теперь у каждого мессии,
Всенищего царя щедро горят
Данайские обертки, о России
Молчать лишь стоит, правду говорят,

О мертвых ничего, но хорошо мы
Горели здесь всегда, свечей в аду
За всех не переставить, ан хоромы
Те ниже, их узнаю череду

Легко опять, а это описание
Имеет, благо, тайную печать
И умысел, образниц нависанье
Мне странным показалось, а молчать

Намерение стоит развенчаний
Черемных, во-первых, о тебе мы
К убийцам изъяснимся, их венчаний
С призраками успешными на тьмы

И царствованье мертвое преложим,
Чурную непотребность, веселы
Тщедушные уродцы суе, вложим
В десницы огонь катановый, столы

Тогда их юровые содрогнутся,
Слетит с червенных елок мишура,
А с нами шестикрылые вернутся
Нежные серафимы, их игра

И тоньше, и расчетливее многих
Умыслов бесноватых, сей посыл
Пиит воспринял сердцем, козлоногих
Согнал и уголь Божий шестикрыл

Тогда ему водвинул вместо сердца,
Итак, одна задача решена,
Не ждали бойника и страсотерпца,
Так я уже вам, паки ночь темна

И пьют пускай чермы и с ними иже,
Гоблины, панны белые, гурмы
Чертей, кикимор, троллей, гномов, ниже
Роговцы, жабы черные, из тьмы

Топорщась, пиноносную посуду,
Сервизы наши чайные глядят,
Внимают хоть рождественскому чуду,
Коль заняли места, хотя щадят

Блажных местоблюстителей привратных,
Те мало виноваты, а щадить
Их велено рогатым от совратных
Деяний, вина бережно цедить,

Еще не отречься хлеба, ныне
Отпущены, а завтра на места
Исконные бежать, когда скотине

Дарованная страшна высота,

Вином упиться благостно подвальным,
И пьют пускай и бьют, еще вдали
Хозяева, мерцанием авральным
Дивятся и серебрят уголи

Обитыми перстами, гвоздь ли, уголь
Внутри вышел и вошел, не удержать
Письма виньету ровной, аще куголь
Пустой, еще налить в него, сражать

Сейчас кого нам трезвым обиходом
Прошло насквозь серебро чрез порфир
Урочие, теперь и славским ходом
Живить напрасно мертвых, за эфир

Мы гибли, за серебро бились черти,
Все квиты меж собою, лазурит
Небесный расточается, а смерти
Герои не достойны, говорит

Молва, одно с духовными пребудут
Ссеребренные кубки, высока
Цена его в миру, лишь сим избудут
Печаль и теней каморных века,

Сады мне тьмы напомнили земные,
Сиренею увитые, и дым
Отечества, а зелени иные
К чему царям являть и молодым

Их спутницам, узнал я в этих сводах
И замкнутость, и вычурность адниц,
Умолк и песнь оставил, о рапсодах
Черемных вопиять ли из червниц

Асбестовых, повинны кары новой
Икотники, слепни, домовики,
Желтушки одержимые, суровой
Одной витые нитью, высоки

Для нежити кармянной своды арок
Воздушных, коль добрались и туда,
Так брать им серебро мертвое в подарок,
Ждать с царичами Страшного Суда,

Их выдаст это серебро, окраски
Мелованные мигом облетят,

Следили туне баковки из ряски
Смуродной меченосцев, захотят

Высотности замковой прикоснуться,
Барочные услышать голоса,
И будет мертвым велено очнуться,
Прейти подземных царствий небеса,

Тогда воздастся каждому по чину,
Христос не стерпит ряженных, Его
За серебро продавали, мертвечину
Скорей рядили в красное, кого

Еще они рядить хотят, отмщений
Каких алкают жабы, аз воздам,
Но только о мессие, превращений
Довольно, по каким еще следам

К Аиду занесла певцов кривая,
Узнал равно огони и смурод,
Так нашего здесь мало каравая
Для бала станет, править Новый год

Начнем в аду, героям не опасно
Тлеенье юровое, а углы
Червленые оставим, ежечасно
Горят, братия, адские балы

Временные и тухнут, победитель
Историю напишет, а икот
Бесовских мы избавимся, воитель
Медленья не примет, здесь киот

В серебре, с образами, так свечные
Затепливай огони, возноси
Ко Господу молитвы, ледяные
Ставь яствия на скатерти, гаси

Черемные свеченья, из прихода
Витийный замок взнесся, балевать
И здесь по-царски только, родовода
Трефового ль страшиться, тосковать

Зачем, когда мгновение прекрасно,
Сосуды антикварные таят
Фалернское вино, его согласно
Блистанье теневое с негой, спят

Бездушные химеры, новогодий

Земных кануны тризня, били тше
Сервизы наши кремные, угодий
Эдемских преалкали во луче

Господнем узреть благостность, чертовкам
Уроком будет злой максимализм,
Тлеет сим по чердакам и кладовкам,
Пием за средоточие харизм

В одном пожаре восковом, пииты,
Певцы ли, пьем одесные пиры
С героями и царичами, плиты
Адские держат правых, а хоры

Орут пускай бесовские, мы глухи
И немы меж отребных, яду нам
Давайте, клыкоимцы, аще слухи
Не можете взвышать, лишь вещунам

И Божиим веселым звездочетам
Откроем части речи, не берет
Отравленное зелье нас, расчетам
Астрийским внемлют цари, не умрет

Убитый, серебро держит нас и прячет,
Нести сюда алмазный мой венец,
Где тень девичья клонится и плачет,
Где зиждятся начало и конец,

Лишь там я ныне, царствие ль язвимо
Паршой, утварный служит верой меч,
Пусть ангелы летят белые мимо,
Тлеенна эта гнусь без чурных свеч.

Возносятся пусть ангелы и плачут,
Мы были в жертвы отданы, засим
Удушенные мальчики не прячут
Колечки с диамантом, угасим

Лишь пламень адоносный и стихие
Дадим веков урочества решать,
Горите, одуванчики лихие,
Сейчас черед безумства совершать.

Стал мертвым Лондон городом, о Трире
Идет молва худая, от кривых
Зеркал и длинных сабель туне в мире
Бежать еще, парафий меловых

Тяжеле иго, нежели часовен
Внесенные ко Господу кресты,
Всеместно ход истории неровен,
Коварной черноугличской версты

Нельзя преминуть в царствии зефирном,
Дарящем негу красок и любви,
Пылающем о маках, во эфирном
Чудесном карнавале, на крови

Оно всегда и ныне зиждится,
Поэтому катановой свечой
Нас резали с алмазами, кадится
Теперь она за гробною парчой.

«Я любил этот снег, этих пепельных зим лепестки...»

Я любил этот снег, этих пепельных зим лепестки
Над гранитом воды, когда черная тянется месса
В тонкой патине дней, а безумье сужает зрачки
И врезает листву в изумруды стоокого леса.

Долго длиться не может сие созерцанье, череда
Невозвратных утрат, закрывая небесные люки,
В сновиденьях плывет, словно кровь сквозь аорту, сюда,
Где допили мы яд из сосудов узорчатой муки.

Убиенный молчит и в апостольском рдяном шелку,
Одуванчики Божии все на земле прелюбили,
Слепородная кровь источила худую строку,
Через нее серебро по холопским двуперстиям били.

Через нее, через нее багряничные струи теклись,
Барвы красили мел скатертей и лепницу фарфора,
С ангелами пиров брашном щедро сейчас разочлись,
До Голгофы рукой ли подать от святого Фавора.

Мел одно перейти невозможно, скатерки горят
Красным цветом опять, аще белого мы и не стоим,
Круги чертятся здесь, а в адницах снежинки искрят,
Сей ванильный снежок видят эльфии, коих покоим.

Их зиждится покой на успении грозном царей,
На обрезанных втще мировольными Парками нитках,
Буде нас зазовут в светлый маковый рай, цесарей
И царевн молодых мы в своих распознаем визитках.

Наших слез тяжелей не узнают холопские тьмы,
Бьет граниты Невы ледяное течение веками,
Алчно в мире любили, так полные маком сумы,
Копьеносные ангелы нищих встречают с венками.

Ах, успели невесты, всеверные жены леглись
И дочурки в плену у сарматских безумных притворцев,
И молчат царедворцы, которых преставить брались,
И точат бродники под ногами честных адоборцев.

Можно помнить о нас, можно знать о бессмертии роз
И пеющих дыхниц, присно мертвым и нынче не больно,
Созерцай тот гранит и летящих цезийских стрекоз,
Вечность к зимам идет, а Эдему пыланья довольно.

Рассчитаться укажет с обслугой Царь-Господ рабам,
Если мертвым теперь светлой участи в рае не минуть,
Адников и Невы не вспея, по кривым желобам
Кровь худую сольем, аще уголи в грудь не водвинуть.

Мрамор чермный таит бледной славы горийскую статью,
Розотечные ангелы кровью сирени лицуют,
За какими и тщились мы требники смерти листать,
Копьеносцы теперь на арабской брусчатке гарцуют.

Но проходит зима и опять накаляется горн,
В белоснежных головках горит пелена золотая,
Ты не алчешь высот и вовек отголоски валторн
Будешь слушать из бездн, только зеленью чернь заклиная.

Царевны

Здесь венчало нас горе одно,
Провожали туда не со злобы.
Дщери царские где же – давно
Полегли во отверстые гробы.

Посмотри, налетели и в сны
Голубицы горящей чредою.
Очи спящих красавиц темны,
Исслезилися мертвой водою.

Тот пречерный пожар не впервой
Очеса превращает в уголи.
Даст ответ ли Андрей неживой,
Расписавший нам кровию столи?

Не достали до звезд и столбов
Не ожгли, отлюбив похоронниц,
С белоснежных пергаментных лбов
Смерть глядит в крестовины оконниц.

Станем зраки слезами студить,
Где одни голошенья напевны,
Где и выйдут навек проводить
Всех усенные эти царевны.

Сарматский реквием

Во льдах сердец, в сих глыбах плитняков
Не высечь и во имя искупленья
Сокрытые склепеньями веков
Святые искры вечного моленья.

Гранил их серный дождь, летейский вал
Онизывал свечением узорным,
О тех вспоминать, кто забывал,
Чтоб все могли пред огнищем тлетворным.

Бездушные теперь гробовщики,
Глазетом ли украсить наши гробы,
Хоть розовые паки лепестки
Идут ко винам августовской пробы.

Нам отдали цветы свой аромат,
Как грянем в барбарийские кимвалы,
О Боге всплачет горестный сармат,
Эллин узрит иродные подвалы.

Тем ядрица багряная мила,
Пусть пирствуют алкающие манны,
Содвинем тени кубков у стола
И бысть нам, потому благоуханны.

Тлеением и оспой гробовой
Делятся не вошедшие в обитель,
Кто в колокол ударил вечевой —
Окровавленный Фауста губитель.

Распишет вечность древние муры
Скрижалями и зеленью иною,
И челядь разожжет золой костры,
А вретища заблещут белизною.

Горенье это высь нам не простит,
Искрясь темно в струях кровеобильных,
От мертвого огня и возлетит
В бессмертие зола камней могильных.

Тогда преобразимся и легко
Всех проклятых узнаем и убитых,
С валькирьями летавших высоко,
Архангелов, задушками совитых,

Из басмовых адниц по именам
Веками окликавших, Триумфальных
Им дарованных арок временам
Кровительство раздавших, буцефальных

Влачителей своих у Лорелей
Оставивших в табунах кентаврийских
Для красного купания, полей
Не зревших елисейских, лигурийских

Не внявших арф высокую игру,
Бежавших от Иосифа Каифы
В Кесарию Стратонову, в миру
Венчавших тернием славские мифы,

Иосифа Великого одно
Карающей десницы не бежавших,
Эпохи четверговое вино
Допивших и осадок расплескавших

Серебряный по битым остиям
Сосудов, из которых пить возбранно,
Украшивших собой гнилостных ям
Опадины, зиять благоуханно

И там не оставляя, огнем вежд
Когорты себастьиские и турмы
Итурейские пирровых надежд
Лишивших, всевоительные сурмы

На выцветшие рублища прелив,
Замеривая ржавые кирасы,
Страшивших костяками под олив
Шафрановую сенью, на атласы

Победные уставивших амфор
Хмельное средоточье, фарисеев,
Алкавших кровь и вина, пьяный ор
Вносявших до лазурных Элисеев

И жаждущих не мирности, но треб,
Не веры миротворной, а глумленья,
Их жалуя крестом разорный хлеб,
Лишь кровию его для искупленья

Порочности смягчая, не коря
Отступников и друзей кириафских,
Алмазами чумные прахоря
Бесовских содержанок, иже савских

Обманутых царевен, от ведем
Теперь не отличимых, во иродстве
Рядивших, тени оных на Эдем
Вести хотевших, в дивном благородстве

Не помнящих губителей своих,
Уродиц и юродников простивших,
Чересел и растленных лядвий их
В соитии веселом опустивших

Картину чуровую, жалкий бред
Отвязных этих черм и рогоносцев
Не слышавших и звавших на обед
Фамильный, где однех милоголосцев

Дородственных, любимых сердцем душ
Собрание молчалось, разуменье
Несловное являя, грузных туш
Блядей не уличавших, а затменье

Головок божевольных их, козлов
Приставленных напарно возлияний
Не видевших урочно, часослов
Семейный от морительных бляений

Всего лишь берегущих, за альбом
Именной векопестованной славы
Судьбою расплатившихся, в любом
Позоре отмечающих булавы

И шкипетра сиятельную тень,
Взалкавших из холопской деспотии,
Блажным очехладительную сень
Даривших и утешные литии,

Хитона голубого лазурит
Признавших и убойность разворота,
О коем чайка мертвая парит,
Бредущему чрез Сузские ворота

Осанну певших, честью и клеймом
Плативших десно скаредности рабской,
Визитным означавшихся письмом,
Духовников от конницы арабской

Спасавших, смертоимное копьё
Понтийскому Пилату милосердно
С оливою подавших, на цевье

Винтовия их смерти безусердно

И тихо опиравшихся, в очах
Всех падших серафимов отраженных,
Удушенных при черемных свечах,
Сеннаарскою оспой прокаженных,

Еще для Фрид махровые платки
Хранящих, вертограды Елионской
Горы прешедших чрез бередники,
Свободных обреченности сионской,

Но мудрости холодного ума
Не тративших и в варварских музеях
Трезвевших, на гербовные тома
Взирающих теперь о колизеях

Господних, сих бессонную череду,
Злопроклятых, невинно убиенных
Узнаем и некрылую орду
Превидим душегубцев потаенных,

Содвигнутых на тление, к святым
Высокого и низкого сословья
Летят оне по шлейфам золотым,
А, впрочем, и довольно многословья.

Офелия, взгляни на ведем тех,
Встречались хоть они тебе когда-то,
Грезеточных бежались их утех,
А всё не убежали, дело свято,

Под ним когда струится кровь одна,
Лазурной крови нашей перепили
Черемницы, но прочего вина
Для них не существует, или-или,

Сих выбор скуден присно, потому
И сами распознать угрозы темной
В серебре не сумели, по уму
Их бедному не числили заемной,

Точней, неясной крепости сих
Удушливых объятий, а позднее,
Узнав природу чаяний мирских,
Обманов ли, предательств, холоднее

Каких нельзя еще вообразить,
Прочения, зиждимого во аде,

Убийственную сущность исказить
Уже не были в силах, чтоб награде

Кружевниц тьмы достойной передать,
Соадский уголок им обиходить,
Забуть козлиц пергамент, благодать
Льетса аще к нам, но хороводить

Оне серьезно, видимо, взялись,
Упившись кровью агнецев закланых,
Досель, смотри, вконец не извелись
Бесовок табуны чертожеланных,

Пиют себе пускай, близнится час,
Как их мерзкообразные хламиды
Спадутся сами, движемся под пляс
И оры буйных фурий, аониды

Простят нам беглость почерков, химер
Картонных экстазийные ужимы
Умерят и смирят, и на манер
Музык небесных, гением движимы

Сибелиуса, Брамса ли, Гуно,
Волшебного Моцарта, Перголези,
Неважно, отыграют нам равно
Кантабиле иль реквием, а рези,

Оставшиеся в небе от черем,
Запекшиеся в пурпуре собойном,
Сведут могильной краскою, чтоб тем
Барельефную точку на разбойном

Пути явить наглядно, и цемент,
Крушицу мраморную либо глину
Внедрят, как экстагический фермент,
В иную адоносную целину,

Где место и убежище найдут
Прегнилостные гусеницы снова
И патинами сады обведут,
Где каждой будет адская обнова

Примериваться, Фриде во урок
Платки грудные будут раздаваться,
Тому положен промысел и срок —
Без времени чермам собороваться.

Без времени их адские столпы

Аидам в назидание алять
Кримозно станут, гойские толпы
Кося, чтоб звезды розовые сеять.

«Не плачь, накликаю беду...»

Не плачь, накликаю беду
И ревность будя Персефоны,
Горят струйной кровью во льду
Все бусы твои и кулоны.

Из черного снега они,
Алмазною твердью гранимы,
Искрятся, и только взгляни —
Подходят к камням этим зимы.

А что может лучше пойти
Ко пурпуру с хвойников крымских,
Нельзя и сокрестье пути
Преминуть без крыл серафимских.

Я в мертвенном взоре держал,
Молясь, лед высотного злата,
Бери ж, ибо все обещал,
На память два звездных карата.

Не выпалить вечности их,
Навек теперь, яко в Завете,
В очах драгоценных твоих
Зажглись чернозвездные нети.

Посвящение

Вернувшись из адских областей,
В позоре искупавшимся и чтящим
Свет ложных звезд; в безумие страстей
Не ввергнутым изгнанием предстоящим;

Прогулки совершавшим в небесах,
Кресты собой украсившим и к рекам
Подземным выходявшим, в очесах
Держащим купол славы; имярекам,

Отринутым Отчизной за мечты,
Замученным на поприще славянском,
Отрекшимся друзьям свои щиты
На поле брани давшим; в Гефсиманском

Саду навечно преданным, венец
Из терний не снимавшим и при крене
Светил, хранившим Слово, наконец
Добитым, возлежащим в красной пене —

Что вам скажу? Молчаньем гробовым
Все разом юбилеи мы отметим
И присно по дорогам столбовым
Кровавым указателем посветим.

Тще райские цитрарии прешли,
Их негу возносили к аонидам,
Свечельницы кармином обвели,
Чтоб радовались те эдемским видам.

Герника стоит палых наших свеч,
Горят они златей мирских парафий,
Китановый в алмазах чуден меч,
Годится он для тронных эпитафий.

Лиют нектары морные и яд,
Вергилий, в небоцветные фиолы,
Эльфинов и чарующих наяд
Мы зрели, как нежные богомолы.

Рейнвейнами холодными с утра
Нас Ирод-царь дарил, се угошенье
Оставить мертвой челяди пора,
Не терпит мрамор желтое вошенье.

Оцветники, оцветники одне
Пылают и валькирии нощные
Бьют ангелей серебряных, оне
Любили нас и были расписные.

Ан тщетно злобный хор, клеветники,
На ложь велеречиво упоает,
Позора оспа эти языки
Прожжет еще и черню воспылает.

И мы не выйдем к выси золотой,
Не сможем и во снах ей поклониться,
Но только лишь для прочности святой
Пусть праведная кровь сквозь смерть струится.

Псалмы

I

Восстенаем, Господь, в слоте черных иглиц,
А сидят за Тобой фарисеи одесно,
Не узрят ангелки наших траченных лиц,
Звоновые Твои не живятся чудесно.

Ах, высоко лились золотья псалмы,
Искрашали трухой нищету дарований,
Только сохнут и днесь на хоругвях гурмы
Василечки от сих иродных пирований.

Вижди, Господи, нас, буде слава Твоя
Не превянет-горит, осеняя церкви,
Гордовые певцы умножали ея,
Горла их пропеклись чернозмейками крови.

II

За мытарства ль Христос возжалел
Не прошедших святые оплоты,
Вертоград Гефсиманский истлел
И без шпилей мертвы камелоты.

Васильков полевых не узреть:
На венцах лишь они и сверкают,
Двиньтесь, мытари, всем и гореть,
Разве истинно веры алкают.

Яко минем страстные пути,
В огни темные души вселятся,
Чтоб с любовью нивы прейти,
Где цветки наши палые тлятся.

III

Веночки белые сонимем,
Преобнажим святые лики,
Имен ли, цветности не имеем,

Одно лишь – смертию велики.

Худые крови излиенны,
В очах лазури не осталось,
А звезды Божии нетленны,
Число их парками считалось.

Над перстью ангелы воспрянут,
Над белым цветом закружатся,
И нимбы мертвые протянут,
Во коих звезды обнажатся.

IV

Яко певчим нельзя уцелеть
И преложны венцы золотые,
Так и будемся в тернях алеть,
Кровотлести, елико святые.

Но еще восхотят, восхотят
Голосов божеимных и песен,
И еще ангелочки слетят,
Чтобы узреть: единый не взнесен.

До поры ли молчанье храним,
Изордеет пламень болотный —
Этой аlostью мы ограним
Иисуса венец всезолотный.

V

А и тратно, Господь, наши красить гробы
Васильковым серебром, вешней цвет-озолотой,
Все позорные днесь расписанны столбы
Бойной кровию чад и нисанскою слотой.

Мы слезами вотще на крестах изошлись,
Молодицы в пирах стервенеют безложно,
Со кадящей гурмой колпаками пречлись,
И молиться теперь, и алкати невозможно.

Так не смогут одно и перстов окраснить,
Белой краскою мы восписали по черни,
Станут ночью, Господь, колокольцы звонить —
Убелятся тогда наши рдяные терни.

VI

Что хотите еще отнимать,
Мы и в смерти богаче не стали,
Всё претщимся цветки сожимать,
Из которых венец заплетали.

Во среду к нам слетят ангела,
Исполать озолотам их ясным,
Яко тризна у нас весела,
Время рдеться глициниям красным.

Будут мертвые звезды гореть,
И неживы, а света не имем,
И еще положат умереть —
Лишь тогда мы венец этот взнимем.

VII

За эти красные псаломы,
За то, что звезды мертвым светят,
Введут нас в Божии хоромы
И ангелочки всех приветят.

Темно дорожье Иудеи,
Во злате мертвых убоятся,
Алкали крови лиходеи:
И где теперь они таятся.

Где Смерти грозная старизна,
Где Слово – книгу озаглавить,
Красна веселием и тризна,
И ни спасти нас, ни ославить.

VIII

Золота наша Смерть, золота,
К ней мы жизнью всей и стремились,
Век брели от Креста до Креста,
Без огней горнецветных томились.

Но воспыхнут еще васильки
О могилах и звоны ударят,
И сплетут голубые венки
Нам тогда, и червицей подарят.

В крови нашей страстные пути,
Бою их не избыть ледяному,
И такими, Господь, нас пречти —
Не могли мы соцвесть по-иному.

IX

Ах, Господь, мы теперь не одесно сидим,
На трапезных пирах царевати не тщимся,
Иисусе-царя со терниц преглядим,
Во спасительный день ко Тебе и влачимся.

Излетели в лазурь от пиров ангелки,
Благодатный огонь расточен по кюветам,
Только были одно мы всекупно жалки,
Сколь хоромных живить ослепительным светам.

Ныне темен, Господь, светозарный канон,
И горчат куличи, и вино солонее,
И плетется в псалмы боготраурный звон,
Чрез пасхалии Смерть надо златом краснее.

X

Положатся Христу васильки,
Яко роз и шиповья не станет,
Отберем юровые цветки,
Их ли Смерть о тернице достанет.

Будет венчик тяжеле креста,
Пречернее церковных лампадок,
Ах, багряная цветь излита,
Вертоград наш разорен и падок.

И не станется горних огней,
И начинут светила клониться,
И тогда от кровавых теней
Мы соидем, чтоб ангелам сниться.

XI

Мы кровью нети освящали,
Юдоль Господняя широка,
А нас и мертвых не прощали,
И с житий выбили до срока.

Угаснут свечи во трапезных,
Не будут книжники стучаться,
И со трилистников обрезных
Начинет золото источаться.

И возгорать сему листовью,
Христу ль темно, явимся в цвети —
Своей точащеюся кровью
Обжечь безогненные нети.

XII

Хватит мертвым сирени златой,
Ангелочки ль ее пожалеют,
Были мы во когорте святой,
Всё еще наши тернии тлеют.

Расточатся благие огни,
Соцветут пятилистья в июне,
Так зардеются розы одни,
А горели и святые втуне.

Нет распятий иродских черней,
Та сирень холодит камелоты,
Всем и хватится наших огней,
Сколь не будет для гробов золоты.

XIII

Веселятся, Господь, скоморошья ряды,
Но огнем возгорят червоцветные лиры,
И собили зачем псалмопевцев чреды,
Нечем боле теперь красить эти порфиры.

Василечки-цветы претеклись из корон

Вместе с кровию чад, разделивших мытарства,
Недоступно высок вседержительный трон,
Прозябают в крушне многоземные царства.

Век держали, Господь, нас за жалких шутов,
По успенью внесли в образные альбомы,
Хоть и немые мы вопиаем с крестов,
И точатся по нам первозвонные бомы.

XIV

И бывает серебро в крови,
Сколь огням червонным точиться,
Ко Христу взалкаем: живи,
Мы и мертвые будем влачиться.

Вот придем к Нему без венцов,
Червотечное сребро уроним,
Различит ли одесных певцов,
Хоть сочествует нас Иероним.

А терничным не цвести лучам —
И преминем иродские версты,
И тогда лишь Господним очам
Зримы станут кровавые персты.

XV

Мы к алтарю стези торили,
Христу алча – огонь увидеть,
Любовь Его боготворили,
Страшились жалобой обидеть.

И кто пренес бы те мытарства,
Но чуден путь со перстью ровный,
Во стенах Божиего царства
Горит венец Христа всекровный.

Так что ж горчей полыни хлебы
И свечи кровью обвинюся,
Жива любовь, а мертвы небы,
И гвозди нам одне куются.

XVI

Преточатся волошки в лугах,
Исцветут золотые рамоны,
И тогда о мирских четвергах
Станут бить кровеимные звоны.

Веротерпцев искать со огнем,
А и мы мировольно горели,
С полевой ли дороги свернем,
Не обминуть сие акварели.

Эти блеклые краски легки,
Полыхать им на вербной аллее,
Мы ж Христу несли васильки —
Звонов цветик любой тяжелее.

XVII

Ах, недолго цветут и лазурь-васильки,
Травень пестует их, а рамонки сминают,
Как уроним, Господь, из десниц тuesки —
И приидем к Тебе, аще нас вспоминают.

Собирали мы в них те цветочки весной,
Отреченно плели рукоделья неловки,
Ароматы вились золотой пеленой,
Долу ныне легко их клонятся головки.

А и сами, Господь, тяжело премолчим,
Яко бельная цветь, наши головы ницы,
Слили кровь и одно пурпурою точим,
И хоругви плетут из нея кружевницы.

XVIII

Будет лето Господнее тлеть,
Расточаться во благости дольной,
И не станем тогда мы жалеть
О Кресте ли, о розе юдольной.

Соберем луговые дары

И в красе цветяных одеяний
Изъявимся гурмой на пиры —
Веселити их чернью даяний.

Ах, не жалко июльских светил,
Только б видел Христос оглашенных,
Только б рек Он, что мертвых простил
И не вспомнит грехов совершенных.

XIX

Горят в коронах полевые
Цветы меж сорной озелени,
Инаких нет, а мы живые,
Студим кровавые колени.

Куда влачимся, там и север,
С колен восстанем – обернемся,
Найдет коса на белый клевер,
Тогда чернить его вернемся.

И будут ангелы неловки,
Исцветность палую сминая,
И те зардевшие головки
Превиждят: всяка именная.

XX

Со левкоев цветущих венки
Заплетем и приидем к чертогам,
Опознают ли нас ангелки —
Исполать вифлеемским дорогам.

Будет ясное лето гореть,
В белом клевере тлеть-расточаться,
И очнемся еще усмотреть,
Где на царствие Божье венчаться.

Мертвым нечего даже снести,
Им и звезды тлетворнее свечек,
Ах, Господь, мы и будем тлести
Хоть во льду херувимских сердечек.

XXI

Тяжелы во четверг набоженных слова,
Не пеяют, Господь, и Твое ангелочки,
Слезной кровию их преблестят кружева,
А святые псалмы – всё одне лепесточки.

Как не ждут нас теперь на иродных пирах,
Изъявимся, мирским облачением играя.
«Где, – премолвим ловцам, – ваш Ирод-вертопрах,
Зреть адницы ему без конца и без края».

И влачились, Господь, ко Тебе мы вечер,
И теклись очеса багряничною слотой,
Но повыбили чад и убрали в кляштор,
Кайстры там и горят нищевой озолотой.

XXII

Во тяжелой сирени гореть
Днесь пурпуровым эльфам и рдеться,
Мы теперь не могли умереть,
А и будем в канавы глядеться.

Подойдет ли Христос к бродникам,
Чтоб наречь фарисеям – довольно,
Иидите ко смерть-родникам,
Веселитесь хотя божевольно.

И терничные звезды падут
За всемертвые эти криницы,
Нас тогда ангелочки найдут
О соцвете кровавой денницы.

XXIII

Стези нагорные тернисты,
А всё их красили слезами,
Успели Божии горнисты
И мы лежим под образами.

И горны сменятся на трубы,

Сиять ли им, как изъявились
В кровавом цвете боголюбы
И за оклады восселились.

Христос превидит наши лики,
Начнут цвета мироточиться,
И так речет: «Оне велики,
За сих могу я поручиться».

XXIV

Смертоимную алость сотмим,
Довлачимся ль ко Божиим тронам,
А пред Господом встанем самим,
Лазуриты вия по коронам.

Молча будет глядеть Иисус
На волошек цветки ледяные,
Кровососный расточится гнус —
И претмить ли веночки земные.

Выжгут пламень Его очеса,
Алоцветно вспарят херувимы,
И стечется в терничник роса
От венцов, кои Смертью язвимы.

XXV

Птицы ношно летят со молчащих вязниц,
Их пухами, Господь, пресквернятся шалавы,
Жалко выбили нас, а и бражники ниц
В монастырских пирах клонят винные главы.

Красовались весной и горели сады,
Пустоцветом они горевым излетали,
Нет и ряс золотых, и чернеют лады,
Под трезвон песнярам цвет-веночки сплетали.

Пурпур в чернь заплели – ладно кровью плести,
Мастериц тех, Господь, литания всечасна,
До парафий Твоих нам теперь не пройти,
Наша страшная смерть уголями раскрасна.

XXVI

Буде некому роз отнести
Иисусу, воспрянем со тлена
И начнем всекроваво тлести,
И начнет пылати Селена.

А не станется ангелов тех,
Украсят пированья святые,
Мы тогда для иродских потех
И загасим венцы золотые.

Хороши будут наши цветки,
Лишь терницы багряной коснемся,
Вспыхнут золотом их лепестки,
Изгорят – и в огнях вернемся.

XXVII

Винцент, Винцент, во тьме лимонной
Легко ль витать, светил не зряши,
Мы тоже краской благовонной
Ожечь хотели тернь гуаши.

Водою мертвой не разбавить
Цвета иссушенной палитры,
И тернь крепка, не в сей лукавить,
Хоть презлатятся кровь и митры.

Легли художники неправо
И светы Божии внимают,
И двоеперстья их кроваво
Лишь наши кисти сожимают.

XXVIII

Юровые луга соцветут,
Отродятся некровные корни,
И веночек Христу доплетут
Из шипов, как и терния горни.

А были василечки живы,

Цветом красным в плетеньях горели,
Так и розам алкать синевы,
Яко Божие те акварели.

Все во терние цвет-васильки,
Иль на розы Христосу глядеться
Разве наши сухие цветки
О веночке Его будут рдеться.

XXIX

Страшный вторник, Господь, разливает нефрит,
И в зеленях Твоих веселее лампы,
Втще живая вода богосвятно горит,
Как живицею здесь отцвели вертограды.

Изуверились мы, благо присно мертвы,
А и чем проняли клиры звонных часовен,
Слезы наши собрать не потщились волхвы,
Каждый ныне собит небокормленный овен.

И царишны спят во церковных углах,
И лебяжьи пуха ткутся жизненно тонки,
Вместо яствий лежим на трапезных столах,
Сплошь над нами, Господь, пречернеют иконки.

XXX

Пожалеют Христу васильков,
Юровые цветы переимут,
Всекровавых тогда лепестков
Отберем, яко тени их взнимут.

Не сойти за мрачный Аид,
Мы огонь излили на церкви,
Укорять ли жалких аонид —
Преалкайте обрядовой крови.

А не хватит немощных сил,
Голубые цвета расточатся,
Чернь явим, только б Он спросил:
Где кровавые чада влачатся.

XXXI

Хотя пречтите убиенных,
Не имут мертвые веселья,
Цветов и хватит ли сотленных,
Они для горького похмелья.

А мы любили золотые
Цветки, их вешнюю невзрачность,
Махнут волошками святые —
Перелием на хлебы мрачность.

Когда ж и кровью не упьются,
В пирах трезветь начинут лядно,
Тернии эти разовьются
И будут цвести неоглядно.

XXXII

Чермной краски июнь перельет
И деревия станутся красны,
И шиповье багрянец увьет,
Яко вретница наши закрасны.

И почто во садах жития
Мы смарагды Христосу копили,
Расточается зелень сия,
Туне мертвых огнями слепили.

Ах, ночных еще будут певцов
Созывать в эти кущи-зелени,
И тогда безо чермных венцов
На шипы мы преклоним колени.

XXXIII

И любили, Господь, четверговок своих,
Нищеродных невест хлебосольно жалели,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.